

Киреев Антон Александрович*, кандидат политических наук, доцент Дальневосточного федерального университета, доцент кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований.

Структурные стимулы и ограничения политики развития российского Дальнего Востока¹

Новейшая история государственной политики в отношении Дальневосточного региона России ведёт отсчёт от событий конца 2006 г. Решения, принятые в это время на заседании Совета Безопасности РФ, и последовавшие за ними действия свидетельствовали о том, что государство готово не только "вернуться" и удержать Дальний Восток, но и возложить на себя обеспечение его долгосрочного, стратегического развития. Особенностью новой, постсоветской модификации политики развития российского Дальнего Востока (РДВ), диктуемой рыночными условиями жизни общества и изменившейся ролью государства, явилась её точечная, селективная направленность. В русле этого селективного подхода² на РДВ была выстроена целая система институтов развития (ИР). Как особые организационно-правовые режимы, сфокусированные на ускорении социально-экономического роста отдельных территорий, отраслей и групп населения региона, они должны были стать основными механизмами реализации государственной политики на Дальнем Востоке. Именно с их работой правительство связывает сегодня надежды на успех осуществляемой на РДВ и в Байкальском регионе государственной программы социально-экономического развития (до 2025 г.)³.

В процессе строительства ИР на российском Дальнем Востоке, продолжающегося с 2011 г., правительство уже неоднократно вносило в их систему коррективы и дополнения. Эти изменения были вызваны в том числе стремлением адаптировать прививаемые "сверху" институты к специфическим условиям макрорегиональной среды. О необходимости такой адаптации

* antalkir@yandex.ru

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00032\19.

² Он последовательно разрабатывался и проводился с конца первого десятилетия XXI в. См.: Меламед И.И., Дягилев А.А., Авдеев М.А. Основные подходы к развитию Дальнего Востока и Прибайкалья. М.: Современная экономика и право, 2010. С. 76–77, 127; Государственная программа РФ "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона" (утверждена постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308) // Правительство РФ. Официальный сайт. URL: <http://government.ru/media/files/RoWSHNM7NUM.pdf> (дата обращения: 11.09.2018).

³ Государственная программа РФ "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона".

говорят многочисленные и растущие претензии к работе дальневосточных ИР, исходящие прежде всего от их непосредственных "пользователей" – предпринимателей и инвесторов. Тем не менее систематически и с достаточной полнотой вопрос о составе и структуре условий макрорегиональной среды функционирования дальневосточных ИР до сих пор не ставился и не рассматривался. В свою очередь, без его рассмотрения не может быть правильно поставлена и решена проблема адаптации институциональных механизмов политики развития к условиям РДВ.

Цель этой статьи состоит в выявлении важнейших структурных факторов интраграницной среды дальневосточных ИР и оценке их воздействия на функционирование и дальнейшую эволюцию данных институтов. Основное внимание при этом будет уделено территориальному уровню дальневосточной системы ИР, включающему в себя территории опережающего развития (ТОР), Свободный порт Владивосток (СПВ) и региональные инвестиционные проекты (РИП). Вместе с тем предлагаемые автором меры адаптации ТОРов, СПВ и РИПов неизбежно потребуют внесения изменений и в работу регулирующих и финансовых институтов (Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона, Корпорация развития Дальнего Востока, Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке, Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта), образующих верхний, окружной "этаж" данной системы.

Цель исследования предполагает решение в нём следующих задач:

1) выделение и систематическое описание структурных факторов интраграницной среды ИР на РДВ;

2) дифференциация выделенных структурных факторов на стимулирующие и ограничивающие⁴ и ранжирование их значимости;

3) определение способов адаптации ИР к структурным стимулам и ограничениям РДВ, которые могут быть использованы в государственной макрорегиональной политике на период до 2025 г.

В регионоведческих исследованиях сформировался большой пласт работ, посвящённых анализу факторов регионального развития. В них перечисляются и описываются не менее двух десятков различных категорий факторов, субординированность и типологическая принадлежность (стимулирующие/ограничивающие) которых зачастую остаются не выявленными⁵. Однако далеко не все из этого широкого и детализированного спектра факторов являются в равной мере значимыми для реконструкции структуры той интраграницной среды, где осуществляется нынешняя политика развития РДВ. В фокусе прикладных и предплановых исследований, оценивающих эту среду⁶, чаще всего оказываются следующие

⁴ В качестве структурных (устойчивых в долгосрочном периоде) стимулов в статье рассматриваются факторы, объективно способствующие достижению целей политики развития, в качестве ограничителей – факторы, препятствующие реализации её целей.

⁵ Напр.: Жильников А.Ю. Определение стимулирующих и сдерживающих факторов инновационной активности региона // Экономические науки. 2013. № 2. С. 77–82; Пучкин М.Б., Аврамчикова Н.Т. Классификация территорий опережающего социально-экономического развития в регионах Российской Федерации // Менеджмент социальных и экономических систем. 2017. № 2. С. 41–49.

⁶ Тихоокеанская Россия – 2030: Сценарное прогнозирование регионального развития / Под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.; Государственная

категории факторов: 1) природно-ресурсные, 2) демографические, 3) инвестиционные, 4) научно-технологические, 5) инфраструктурные, 6) институциональные.

На описание, типологизацию и ранжирование именно этих шести категорий и будет направлено данное исследование. При этом результаты предшествующего изучения названных факторов политики развития РДВ будут соотнесены с их доступными статистическими индикаторами (уровня макрорегиона в целом и входящих в него регионов), а также сопоставлены с индикаторами аналогичных факторов развития соседних стран Северо-Восточной Азии (КНР, Республика Корея (РК), Япония – СВА-3).

Природно-ресурсные факторы. Обширная категория природно-ресурсных факторов политики развития РДВ, охватывающая минерально-сырьевые, земельные, водные, биологические и климатические ресурсы, привлекает к себе наибольший интерес исследователей данной проблематики. Природно-ресурсный потенциал чаще всего оценивается как главный стимул развития макрорегиона, как очевидный источник его производственных и торговых преимуществ и в национальном, и в международном масштабе. Во множестве научных публикаций и официальных документов этот тезис подкрепляется данными о расположенных на Дальнем Востоке крупнейших месторождениях нефти, газа, угля, урана, алмазов, золота, полиметаллов и ряда других ресурсов "мирового значения"⁷.

Столь высокие позитивные оценки природно-ресурсных факторов развития РДВ, безусловно имеющие под собой основания, рисуют, однако, очень упрощённую и однобокую картину этого компонента интраграницной среды. *Во-первых*, природно-ресурсный потенциал макрорегиона неравноценен по своему составу. Его высокие оценки относятся главным образом к минерально-сырьевым (прежде всего газовым и рудным) и в меньшей степени к биологическим (в первую очередь морским) ресурсам. По относительной обеспеченности водными и земельными ресурсами российский Дальний Восток существенно уступает многим странам АТР и большинству других российских макрорегионов (в части земельных ресурсов). Что же касается климатических факторов РДВ, то даже в сравнении с другими макрорегионами РФ они должны рассматриваться в целом как важные ограничители его развития⁸.

Во-вторых, стереотипно оптимистические оценки объёмов природных ресурсов Дальнего Востока, как правило, основываются на результатах их прогнозирования, а также показателях их удельного веса на душу населения. Однако в качестве фактора среды политики развития РДВ на период до 2025 г. целесообразно анализировать не прогнозные ресурсы, а их подтверждённые запасы, объёмы которых по целому ряду позиций

программа РФ "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона"; Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/70309010/> (дата обращения: 15.10.2018).

⁷ См.: Государственная программа РФ "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона".

⁸ По расчётам начала 2000-х гг., ежегодное удорожание производства на РДВ за счёт климатических факторов оценивалось в 2,5 млрд долл. (в текущих ценах). См.: Быстрицкий С.П., Заусаев В.К. Россия – Северо-Восточная Азия: Дальневосточный экономический мост на рубеже эпох. М.: ИЭПП, 2007. С. 16.

составляют многократно меньшие величины⁹. Кроме того, для создания экспортно ориентированных производств важны не столько подушевые, сколько территориальные показатели ресурсообеспеченности. Как видно из табл. 1, по удельному весу сельскохозяйственных угодий, пресной воды, запасов нефти и железных руд на единицу площади преимущества российского Дальнего Востока перед КНР, Японией и Республикой Корея оказываются незначительными или вовсе отсутствуют. При этом необходимо учитывать, что ограничения, связанные с природно-ресурсным потенциалом, отличаются особенной жёсткостью. Так, наибольшей стабильностью характеризуется объём водных (поверхностных) ресурсов РДВ, пополнить который можно лишь за счёт подземных вод¹⁰. Предел возможного расширения сельхозугодий на Дальнем Востоке с учётом климатических и орографических ограничений оценивается в 19-20 млн га¹¹, что примерно в 2 раза больше их сегодняшней площади. Что касается минерально-сырьевых ресурсов, то нынешний объём их подтверждённых запасов в принципе может быть увеличен многократно, однако вовлечение в экономический оборот новых месторождений будет связано с повышением себестоимости сырья из-за роста капиталоемкости его разведки и извлечения и дополнительных технологических и транспортных издержек. На усиливающееся сдерживающее влияние этих факторов указывает устойчивая (с 1990-х гг.) тенденция к отставанию прироста запасов минерально-сырьевых ресурсов на РДВ от темпов роста их добычи¹².

В-третьих, природно-ресурсные факторы развития Дальнего Востока распределены по его территории крайне неравномерно (табл. 2). Так, по плотности запасов нефти лидирующий нефтяной регион РДВ (Сахалинская область) опережает его второй центр (Якутия) более чем в 20 раз, при том что остальные семь регионов РДВ лишены запасов этого ресурса. Почти 64 % запасов дальневосточного газа также приходится на Сахалинскую область, которая по их плотности превосходит наименее обеспеченную ими Чукотку в 1640 раз. Среди регионов, обладающих запасами железных руд, Еврейская автономная область (ЕАО) по их плотности превосходит Хабаровский край в 169 527 раз. Неравномерность пространственного распределения природных ресурсов вносит главный вклад в высокую поляризованность дальневосточных субъектов федерации по такому интегральному показателю развития, как экономическая плотность (ВРП¹³ на кв. км). В 2017 г. разрыв между наиболее высоким (Сахалин) и наиболее низким значением (Чукотка) этого показателя на РДВ достигал 2352 раза.

⁹ Например, по нефти подтверждённые запасы на РДВ меньше прогнозных объёмов почти в 7 раз, а по газу – более чем в 4 раза. См.: О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации: Гос. докл. / Гл. ред. Е.А. Киселёв; Минприроды России. М.: ВИМС; Минерал-Инфо, 2018. С. 16–19, 46–47.

¹⁰ Их прогнозная величина равна 3 % от объёма поверхностных вод. См.: Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / Отв. ред. П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 236–237.

¹¹ Романов М.Т. Территориальное устройство хозяйства и населения на российском Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 13.

¹² Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего. С. 208, 343–345.

¹³ Все стоимостные показатели факторов в данной работе пересчитаны в долларах 2011 г. по паритету покупательной способности.

Таблица 1

Показатели структурных факторов развития стран СВА-3 и РДВ

Показатель	Китай, 2017 г.	Республика Корея, 2017 г.	Япония, 2017 г.	Российский Дальний Восток, 2017 г.	Изменение показателей РДВ в 2017 г. к 1997 г., %
ВРП (ВВП) на душу населения, тыс. долл.	15,3	35,9	39	25,3	174,3
ВРП (ВВП) на кв. км, тыс. долл.	2211,5	18 781,6	13 088,7	25,4	146,4
Плотность населения, чел. на кв. км	144,5	522,6	335,6	1,002	85,3
Плотность рабочей силы, чел. на кв. км	81,7	284,5	174,9	0,541	89
Плотность сельхозугодий, га на кв. км	67,2	16,5	11,8**	1,299	140
Плотность водных ресурсов, тыс. куб. м на кв. км	289,7	658,5**	1138,2	319,6	106,7***
Плотность запасов нефти, т на кв. км	364,7	н.д.	15,6	178,3	359,5****
Плотность запасов газа, тыс. куб. м на кв. км	573,1	71,9	55,3	826,7	342,6****
Плотность запасов железных руд, т на кв. км	2188,2	504,7*	105,9**	1426,4	201,5****
Плотность автодорог с твёрдым покрытием, км на кв. км	0,4974	0,96	2,655**	0,0095	182,7
Плотность железных дорог, км на кв. км	0,0132	0,04**	0,0413**	0,0014	107,7
Плотность инвестиций в основной капитал, тыс. долл. на кв. км	926,3	5845	3082**	7,8	294,9
Плотность внутренних затрат на НИР, тыс. долл. на кв. км	47,1	854,6	455,5	0,1	170,3
Regulatory Quality WGI, балл (%)	-0,15 (48,56)	1,11 (82,21)	1,37 (89,9)	-0,48 (32,69)	116,8

Примечание: * данные на 2015 г.; ** данные на 2016 г.; *** к среднемноголетнему значению; **** к 1995 г.; "н.д." – нет данных.

Рассчитано по: О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2017 г.: Гос. докл. М.: Минприроды России; НПП "Кадастр", 2018. С. 83; О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации: Гос. докл. / Гл. ред. Е.А. Киселёв; Минприроды России. М.: ВИМС; Минерал-Инфо, 2018. С. 11–61, 87–98; Регионы России. В 2 т. / Госкомстат России. Т. 2. М., 1999; Регионы России: Социально-экономические показатели. 2018 / Росстат. М., 2018; *Шейнгауз А.С.* Устойчивость развития и дальневосточное природопользование // Вестник ДВО РАН. 1995. № 5. С. 67–75; BP Statistical Review of World Energy 2018 // British Petroleum. 2018. June. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf>; China Statistical Yearbook 2018. Beijing: China Statistics Press, 2018; International Minerals Statistics and Information // U.S. Geological Survey. 2019. URL: <https://www.usgs.gov/centers/nmic/international-minerals-statistics-and-information>; East & Southeast Asia // The World Factbook. 2019. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/wfbExt/region_eas.html; Statistical Database // KOSIS KOREAN Statistical Information Service. 2019. URL: http://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01; Land use // Food and Agriculture Organization of the United Nations. Official website. 2019. URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/EL>; Compare Countries: Regions // ESCAP Online Statistical Database. 2019. URL: http://data.unescap.org/escap_stat/#compareData; System of Social and Demographic Statistics // Portal Site of Official Statistics of Japan. 2019. URL: https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/database?page=1&toukei=00200502&result_page=1; Indicators Data // The World Bank. Official website. 2019. 30 January. URL: <https://data.worldbank.org/indicator>; The Worldwide Governance Indicators // The World Bank. Official website. 2018. 21 September. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/wgidataset.xlsx> (дата обращения: 20.03.2019).

Таким образом, в рамках категории природных ресурсов к важнейшим и самым устойчивым (на перспективу до 2025 г.) стимулирующим факторам политики развития РДВ можно отнести подтверждённые запасы газа, а также (в меньшей степени) нефти, железных руд и угля. Эти ресурсы имеют фундаментальное значение с точки зрения как экспорта в страны АТР (особенно США-3), так и комплексного, многоотраслевого развития обрабатывающей промышленности самого Дальневосточного региона. В этом отношении они обладают бóльшим развивающим потенциалом, чем запасы алмазов, драгоценных, редкоземельных и цветных металлов, а также рыбные и иные морские биоресурсы РДВ, которые, при несомненной экспортной значимости, востребованы существенно более узким набором отраслей промышленности.

Вместе с тем необходимо учитывать, что по мере перехода к разработке всё более удалённых и труднодоступных месторождений минерального сырья, увеличения капитало- и транспортёмкости его добычи стимулирующее воздействие этого фактора на развитие РДВ будет объективно снижаться. Предотвратить такой сценарий можно только путём повышения экономической отдачи от природных ресурсов РДВ за счёт их передела на территории макрорегиона.

Демографические факторы. Неблагополучные демографические условия развития РДВ хорошо известны. Учёные и бизнесмены обращают внимание прежде всего на две стороны демографического состояния макрорегиона – общую малочисленность его населения, определяющую узость дальневосточного рынка, и дефицит рабочей силы, осложняющий реализацию там новых производственных проектов¹⁴. Действительно, как показывает сравнение данных табл. 1 и 2, даже самый густонаселённый на Дальнем Востоке Приморский край по плотности населения отстаёт от КНР в 12,4 раза, а по плотности рабочей силы – в 13 раз. Демографические проблемы РДВ имеют в полном смысле структурный характер: тенденции к сокращению населения и рабочей силы прослеживаются там с начала 1990-х гг., и, несмотря на все меры со стороны государства, переломить их до сих пор так и не удалось. Неудивительно, что факторы этой категории чаще других ставят на место первостепенных, критически значимых структурных ограничений развития РДВ¹⁵.

Однако при ближайшем рассмотрении воздействие демографических ограничений оказывается неоднозначным. На фоне снижения за последнее двадцатилетие (1997–2017 гг.) плотности населения в макрорегионе на 14,7 %, а плотности рабочей силы – на 11 %, прирост значения показателя ВРП на душу населения составил 74,3 % (см. табл. 1). Примечателен и следующий факт: если по плотности рабочей силы Приморский край опережает Сахалин в 2 раза, а Камчатку – в 10,9 раза, то по величине ВРП на кв. км он уступает Сахалину в 47,4 раза и превосходит Камчатку в 16,3 раза (см. табл. 2). В своей совокупности указанные факты

¹⁴ Взгляд со стороны восходящего солнца // Восточный экономический форум. 2018. Журн.-каталог фонда Росконгресс. С. 88–90; *Моисеева Л.А., Ващук А.С.* История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 294-295.

¹⁵ См., напр.: *Меламед И.И., Дягилев А.А., Авдеев М.А.* Указ. соч. С. 42-43.

Таблица 2

Показатели структурных факторов развития регионов РДВ (2017 г.)

Показатель	Амурская область	Еврейская автономная область	Камчатский край	Магаданская область	Приморский край	Республика Саха (Якутия)	Сахалинская область	Хабаровский край	Чукотский автономный округ
ВРП на душу населения, тыс. долл.	13,1	12,7	25,3	42,8	15,9	37,6	62,5	19,7	54,5
ВРП на кв. км, тыс. долл.	29	57,3	17,2	13,5	186,6	11,7	8854,5	33,4	3,8
Плотность населения, чел. на кв. км	2,215	4,523	0,678	0,315	11,676	0,312	5,596	1,693	0,069
Плотность рабочей силы, чел. на кв. км	1,144	2,259	0,385	0,197	6,29	0,161	3,169	0,931	0,043
Плотность сельхозугодий, га на кв. км	7,533	14,799	1,024	0,263	10,015	0,532	2,094	0,845	0,012
Плотность водных ресурсов, тыс. куб. м на кв. км*	570,6	6600,6	454,2	280,4	516,1	327,9	710,7	731,7	273,9
Плотность запасов нефти, т на кв. км	нзн.	нзн.	нзн.	нзн.	нзн.	227	4592,4	нзн.	нзн.
Плотность запасов газа, тыс. куб. м на кв. км	нзн.	нзн.	21,5	нзн.	нзн.	1005,3	22 732,5	нзн.	13,9
Плотность запасов железных руд, т на кв. км	1657,9	22 038,6	нзн.	нзн.	607,2	2367,4	нзн.	0,13	нзн.
Плотность автодорог с твёрдым покрытием, км на кв. км	0,034	0,067	0,0044	0,0055	0,09	0,0039	0,025	0,012	0,0012
Плотность железных дорог, км на кв. км	0,0081	0,0141	нзн.	нзн.	0,0095	0,0002	0,0096	0,0027	нзн.
Плотность инвестиций в основной капитал, тыс. долл. на кв. км	20,4	11,4	3,2	3,8	30,2	4,9	135,9	5,9	0,6
Плотность внутренних затрат на НИР, тыс. долл. на кв. км	н.д.	н.д.	0,1	н.д.	1,7	0,03	0,5	0,3	н.д.
Инвестиционный риск. Управленческая составляющая (ранг региона)	15	83	76	22	31	37	6	21	85

Примечание: * данные на 2016 г.; нзн. – незначительная величина; н.д. – нет данных.

Рассчитано по: Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации // Росстат. 2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vrp98-17.xlsx; О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации в 2016 г.: Гос. докл. // Вода России. 2018. URL: http://fcpvhk.ru/wp-content/uploads/2018/01/2017_GosDoklad_VODA_26122017.pdf; Инвестиционный риск российских регионов в 2017 г. // Эксперт. Рейтинговое агентство. 2017. URL: https://raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2017/tab2; Регионы России: Социально-экономические показатели. 2017 / Росстат. М., 2017; Регионы России: Социально-экономические показатели. 2018 / Росстат. М., 2018.

свидетельствуют, с одной стороны, об относительно слабом (в условиях постепенного снижения трудоёмкости в добывающих отраслях) влиянии демографических факторов на экономическое развитие РДВ, а с другой – о происходящем в макрорегионе росте производительности труда, в том числе за счёт качественных (квалификационных) параметров рабочей силы¹⁶.

Учитывая малую вероятность существенного увеличения численности населения российского Дальнего Востока до 2025 г., именно повышение его качественных характеристик может стать способом смягчения демографических ограничений развития. Высокая квалификация и платёжеспособность (уровень доходов) работников могут отчасти компенсировать последствия оттока населения¹⁷. Однако такой подход предполагает, что политика развития РДВ будет направлена на преимущественное поощрение не добывающих отраслей, а инновационных производств и создание научной, образовательной и иной социальной инфраструктуры, обеспечивающей подготовку и закрепление необходимых для них кадров¹⁸.

Инвестиционные факторы. Высокая капиталоемкость является давней особенностью дальневосточной экономики. Как видно из табл. 1, плотность инвестиций в основной капитал в 1997–2017 гг. на РДВ почти утроилась, что свидетельствует о ведущей роли этой категории факторов в макрорегиональном экономическом росте. Тем не менее сопоставление с аналогичными показателями КНР, Республики Корея и Японии показывает, что по плотности инвестиций российский Дальний Восток по-прежнему отстаёт от них в сотни раз. Обделённость данного макрорегиона в этом отношении заметна и на фоне других российских территорий: несмотря на сокращение за изучаемое двадцатилетие отставания дальневосточной плотности инвестиций в основной капитал от среднероссийской, разрыв между ними в 2017 г. составлял 4,7 раза. Наконец, о том, что дефицит инвестиций на РДВ остаётся колоссальным, говорят также многие экспертные оценки¹⁹. Устойчивая капиталоемкость макрорегиона объясняется как неблагоприятным природным и инвестиционным климатом, так и низким развивающим эффектом от инвестиций в сырьевые отрасли. По мнению экономистов, при сохранении существующей отраслевой структуры инвестиций даже высокие темпы их роста (такие как в 2004–2008 гг.) не позволят Дальнему Востоку достичь необходимого опережающего прироста ВРП²⁰.

¹⁶ Показательно, что в 2017 г. ВРП РДВ на душу населения на 65 % превышал ВВП на душу населения в Китае (см. табл. 1).

¹⁷ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г.

¹⁸ В настоящее время акцент делается не на подготовку таких кадров, а на их привлечение из других макрорегионов России и из-за рубежа. См.: Государственная программа РФ "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона".

¹⁹ Потребность РДВ в инвестициях на период до 2025 г. оценивается в сумму не менее 10 трлн руб. См.: *Ишаев В.И., Ивантер В.В., Кувалин Д.Б.* Экономика Дальнего Востока и Байкальского региона: государственный подход. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 78–81; Публичная декларация целей и задач Минвостокразвития России на 2018 г. // Минвостокразвития РФ. Офиц. сайт. 2018. URL: https://minvr.ru/upload/iblock/2cb/publicnaya_deklaratsiya_2018.pdf (дата обращения: 10.02.2019).

²⁰ Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего. С. 207.

Таким образом, будет ли капитал играть роль стимула или ограничителя дальнейшего развития РДВ, зависит не столько от увеличения его объёма, сколько от способа его соединения с другими факторами интраграничной среды. Условиями повышения отдачи от инвестиций является создание налоговых и правовых условий для обновления и наращивания научно-технологической базы и социального капитала населения макрорегиона, что в конечном счёте должно привести к перераспределению инвестиционных потоков в пользу обрабатывающих (и в том числе инновационных) отраслей его экономики. Только в этом случае российский Дальний Восток может рассчитывать на значительно менее капиталоемкий и потому более быстрый прирост ВРП.

Научно-технологические факторы. Факторы политики развития РДВ этой категории принадлежат к числу наименее изученных. Отчасти это обусловлено объективными трудностями точной оценки меры воздействия научного знания на социально-экономическую динамику, которое осуществляется по многим направлениям. Доступные статистические индикаторы этого воздействия дают о нём лишь косвенное и приблизительное представление. Так, если свести научно-технологические факторы к показателю плотности внутренних затрат на НИР, то можно констатировать ничтожность его значения относительно плотности инвестиций в основной капитал макрорегиона и почти в 2 раза более медленный его рост за период с 1997 по 2017 г. На структурно малый вес научно-технологических факторов в составе движущих сил дальневосточной экономики указывают и следующие данные: если по плотности инвестиций в основной капитал РДВ отстаёт от ближайшей к нему из стран СВА-3 – КНР – в 119 раз, то по плотности внутренних затрат на НИР – уже в 387 раз (см. табл. 1).

Показатель затрат на НИР характеризует процесс воздействия науки на производство на его начальной стадии. Конечный же результат этого процесса зависит от скоординированной работы остальных его звеньев, от общего состояния научно-технологической инфраструктуры. Недостаточная полнота и связность этой инфраструктуры в первую очередь и делают научно-технологические факторы ограничителями развития РДВ. Научно-технологическая инфраструктура сконцентрирована в основном в шести городских центрах макрорегиона (Владивосток, Хабаровск, Якутск, Благовещенск, Магадан и Петропавловск-Камчатский), из которых по её плотности и комплексности выделяется Владивосток²¹. Учитывая безусловное лидерство Приморского края по плотности затрат на НИР среди регионов Дальнего Востока, можно отметить, что на сегодня там только Владивосток обладает реальными предпосылками для превращения в центр инновационного социально-экономического развития.

Инфраструктурные факторы. В данную категорию обычно включают состояние совокупности транспортных, энергетических и телекоммуникационных сетей. Однако с точки зрения масштаба экономического воздействия наиболее весомой их частью являются факторы транспортной инфраструктуры. Особенно сильное влияние транспорта на экономику РДВ²² вытекает как из его удалённости от национального и внешних

²¹ Во Владивостоке находятся 13 из 33 городских институтов и научных центров Дальневосточного отделения РАН.

²² Доля транспортных издержек в ВРП РДВ в 2 раза выше среднероссийской. См.: Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока / Госсовет РФ //

рынков и доминирования сырьевых отраслей, так и из низкой пропускной способности самой транспортной сети, обусловленной параметрами её плотности. Последние можно рассмотреть на примере железно- и автодорожной инфраструктур, которые служат каркасом всей транспортной системы РДВ.

Самым "узким местом" транспортной системы макрорегиона по праву считается железнодорожная инфраструктура. За 1997–2017 гг. её плотность почти не изменилась (прирост в 7,7 %) (см. табл. 1). Подобный застой в строительстве во многом объясняет стремительный рост железнодорожных тарифов и то, что расходы на железнодорожный транспорт в продукции добывающих предприятий макрорегиона достигают 50 % её себестоимости²³. В то же время следует отметить, что в природных условиях российского Дальнего Востока железнодорожное строительство является крайне дорогостоящим²⁴.

В силу меньшей капиталоемкости автодорожной сети её рост в 1997–2017 гг. шёл значительно более быстрыми темпами (см. табл. 1). Тем не менее проблема недостаточной обеспеченности РДВ этой разновидностью транспортной инфраструктуры далеко не снята. Плотность автодорог с твёрдым покрытием там в 6,4 раза меньше среднероссийского уровня²⁵, и в 52,3 раза – среднего уровня для КНР (см. табл. 1). Только в двух регионах РДВ – Приморском крае и ЕАО – величина данного показателя (см. табл. 2) превышает его среднероссийское значение.

В целом факторы транспортной инфраструктуры выступают наиболее мощными и инерционными структурными ограничителями развития РДВ. Однако следует учитывать, что эта их роль во многом обусловлена сырьевой ориентацией дальневосточной экономики. Изменение соотношения в ней добывающих и обрабатывающих отраслей способно привести к существенному уменьшению как доли транспортных расходов в ВРП, так и стоимости дорожного строительства, смягчив, таким образом, инфраструктурные ограничения макрорегионального развития.

Институциональные факторы. Категория институциональных факторов охватывает широкий круг формальных правил общественной среды, в которой действуют ИП и пользователи их услуг. Некоторые из таких правил (тарифные административные барьеры) оказывают на поведение экономических субъектов влияние, имеющее стоимостное выражение. Однако поведенческий эффект большей части правил (законодательных норм, административных и судебных решений, процедур их принятия, исполнения и контроля) ввиду его чисто психологической, субъективно-оценочной природы прямому количественному измерению не поддаётся. Причём именно эта часть правил является наиболее косной, придавая всей совокупности институциональных факторов в целом структурный характер.

Минвостокразвития РФ. Офиц. сайт. 2017. 6 сентября. С. 10. URL: <https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razvitii-dalnego-vostoka.pdf> (дата обращения: 19.02.2019).

²³ Там же. С. 10.

²⁴ Стоимость только первоочередных железнодорожных проектов (БАМ и Транссиб) на РДВ до 2025 г. оценивается в 2,1 трлн руб. См.: Публичная декларация целей и задач Минвостокразвития России на 2018 г.

²⁵ Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока. С. 8.

В связи с непосредственной неизмеримостью большей части институциональных условий в изучении этой категории факторов используют косвенные, опросные методы или рейтинги, основанные на комбинировании различных шкал, такие как разработанный Всемирным банком (в рамках проекта Worldwide Governance Indicators) индекс Regulatory Quality²⁶.

Экстраполируя значения Regulatory Quality, вычисленные для России в целом, на её Дальневосточный макрорегион, можно констатировать, во-первых, очень высокую стабильность состояния институциональной среды РДВ за последние двадцать лет, а во-вторых, её устойчиво более низкие оценки в сравнении с соответствующей средой не только в Японии и Республике Корея, но и в КНР (см. табл. 1). Обобщённые данные об ограничивающем влиянии организационно-правовых факторов подтверждаются результатами исследований первого опыта функционирования ИП на РДВ. Так, опрос бизнесменов, проведённый в макрорегионе агентством "Делойт", показал, что изменения в государственном регулировании ставятся ими в перечне возможных рисков для своего бизнеса на первое место²⁷. Кроме того, исследователями выявлен целый ряд управленческих и нормативно-правовых проблем взаимодействия между ИП с одной стороны и федеральными органами и региональными и местными властями – с другой, которые отталкивают потенциальных резидентов от ТОРов и СПВ или не позволяют им заработать на полную мощность²⁸.

Как видно из рейтинга управленческой составляющей инвестиционного риска агентства "Эксперт РА" 2017 г., институциональная среда регионов РДВ сильно поляризована. Из девяти три (Сахалинская и Амурская области, Хабаровский край) находятся в первом квартиле рейтинга, тогда как три других (Камчатский край, ЕАО и Чукотка) – в последнем, четвёртом, квартиле. Среди регионов, где управленческие ограничения ведения бизнеса приходят в наиболее явное противоречие с материальными предпосылками его развития, следует назвать ЕАО, а также (в меньшей степени) Якутию и Приморский край (см. табл. 2).

*   *
*
*

Подводя итог обзору интраграницной среды политики развития российского Дальнего Востока, необходимо подчеркнуть лимитированность набора структурных стимулов последней. Главными, долгосрочными и международно значимыми, экономическими преимуществами РДВ выступают запасы углеводородов и металлического сырья, а также морские биоресурсы. При этом большая часть факторов интраграницной среды

²⁶ Индекс качества регулирования (негосударственного бизнеса). Индекс вычисляется путём агрегирования результатов социологических опросов бизнесменов и граждан, статистических данных международных организаций и оценок правительственных и неправительственных экспертов. Итоговые значения индекса определяются в баллах в интервале от -2,5 до 2,5, а также по шкале процентильных рангов.

²⁷ Деловой и финансовый климат Дальневосточного региона / Исслед. центр компании "Делойт" в СНГ. М., 2018. С. 25.

²⁸ Севастьянов С.В., Реутов Д.А., Нянь Сюэжуй. Первый опыт применения режимов ТОР и СПВ в России и экспериментальных ЗСТ в Китае // Ойкумена. Регионоведческие исслед. 2018. № 4. С. 96–108.

играет роль ограничителей экономического развития макрорегиона. Из них наиболее мощное (по величине издержек) и инерционное воздействие на темпы роста дальневосточной экономики оказывают инфраструктурные (в первую очередь транспортные) факторы. Высокоинерционными, но в современных условиях менее критичными по величине издержек ограничителями развития РДВ являются демографические детерминанты. К относительно менее ригидным, более доступным для регулирования и смягчения ограничивающим обстоятельствам можно отнести инвестиционные, научно-технологические и институциональные условия. Взаимосвязанное адаптирование факторов этой группы, направленное на перераспределение инвестиций в пользу инновационных производств и снятие фискальных и нормативных барьеров на этом пути, может значительно расширить коридор возможностей для роста дальневосточной экономики. Более того, без адаптации этих факторов среды ИР, созданные на РДВ, не смогут выполнить возлагаемые на них задачи.

Эффективность адаптации ИР к среде РДВ и адаптирования этой среды к институтам зависит от корректности оценивания средовых факторов. Между тем до сих пор в государственных документах можно встретить необоснованные и явно завышенные оценки привлекательности условий российского Дальнего Востока для инвесторов. Так, в изданном в 2017 г. докладе Государственного совета РФ конкурентоспособность условий РДВ аргументируется тем, что стоимость электроэнергии, газа, воды и рабочей силы в макрорегионе (на 2016 г.) ниже, чем в Японии, Китае, Канаде, США, Сингапуре и РК. Однако эти стоимостные показатели издержек бизнеса определяются ситуативными, конъюнктурными факторами (прежде всего курсами национальных валют к доллару) и рассчитывать на их сохранение в сколько-нибудь длительной перспективе нет оснований. Кроме того, данные показатели не учитывают доступности названных ресурсов, которая определяется состоянием проводящей и социальной инфраструктуры²⁹.

Нельзя признать обоснованным и применяемым в том же докладе подход к сравнению преференциальных режимов инвестиционной и предпринимательской деятельности в странах АТР и на РДВ. Сопоставляя льготные ставки налогов, установленные на территориях с преференциальными режимами в АТР, авторы доклада призывают формировать целевую модель для дальневосточных ТОРов и СПВ, ориентируясь на уровень налоговой нагрузки подобных режимов в Малайзии, Вьетнаме, Сингапуре и Таиланде³⁰. Однако такое прямое сравнение величины налоговых льгот имеет смысл лишь при высокой степени сходства базовых издержек производства в сопоставляемых странах. Поскольку же это с очевидностью не так, то для того, чтобы компенсировать объективно повышенные базовые издержки производства на РДВ, величина налоговых льгот дальневосточных ИР должна быть значительно большей³¹.

²⁹ В докладе упоминается о том, что РДВ существенно уступает странам АТР по развитию инфраструктуры, но о величине разрыва в уровне этого развития не говорится. См.: Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока. С. 21.

³⁰ Там же. С. 21, 41-42.

³¹ См.: *Заусеев В.К., Бежина В.П., Кручак Н.А.* Территории опережающего социально-экономического развития: реалии и возможности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 1. С. 65.

Иными словами, ожидать достижения международной конкурентоспособности можно только от таких ИР, которые адаптированы к специфической интраграницной среде РДВ³². Выделим три основных направления прямой и обратной адаптации территориальных ИР (СПВ, ТОРы, РИПы) к данной среде: 1) локализация, 2) специализация, 3) институциональный дизайн.

Локализация территориальных ИР должна исходить из резкой неравномерности распределения различных структурных факторов на пространстве макрорегиона. Обобщённо эту неравномерность можно представить как дифференциацию пространства РДВ на три пояса: 1) "постиндустриальный пояс" – районы старой, дореволюционной колонизации с наибольшей экономической плотностью, повышенными демографическими, инвестиционными, научно-технологическими и инфраструктурными показателями при достаточно высокой обеспеченности подтверждёнными природными ресурсами (прибрежные и приграничные территории Приморского и Хабаровского краёв, Сахалинской и Амурской областей, ЕАО); 2) "индустриальный пояс" – районы советского освоения со средним уровнем экономической плотности, высокой природно-ресурсной обеспеченностью, но низкой плотностью населения, инфраструктуры, инвестиционных и научно-технологических ресурсов (внутренние территории юга РДВ, а также южные и прибрежные территории Якутии, Камчатки и Магаданской области); 3) "доиндустриальный пояс" – районы позднего, постсоветского освоения с крайне низкими показателями экономической, демографической, инвестиционной, научно-технологической и инфраструктурной плотности при незначительных запасах природных ресурсов (большая часть территорий севера РДВ)³³.

Специализация территориальных ИР предполагает учёт при их профилировании соотношения стимулирующих и ограничивающих факторов среды. Относительная мягкость структурных ограничений и наличие как интраграницных, так и трансграницных (рынки сбыта, инвестиции и технологии) стимулов в рамках "постиндустриального пояса" РДВ позволяют создавать там крупные, многоотраслевые вертикальные и горизонтально организованные комплексы производств и сервисов, кластерообразующими центрами для которых могут быть высокотехнологичные (судо-, авиа- и приборостроительные) компании. В условиях более жёстких ограничений "индустриального пояса" ИР должны фокусировать производства на использовании ресурсных преимуществ своей локализации и встраивании

³² Примером явной неадаптированности преференциальных режимов к среде могут служить проекты по созданию на РДВ современных судостроительных производств. Несмотря на то что проектируемые правительством судостроительные кластеры в Большом Камне и Комсомольске-на-Амуре с 2015 г. пользуются преференциями ТОРов, их привлекательность для инвесторов остаётся низкой. Развитие дальневосточного судостроения сталкивается с жёсткой конкуренцией со стороны аналогичных производств в странах СВА. В силу комплекса средовых факторов (транспортных, кадровых, технологических и др.) себестоимость строительства судов в КНР и РК примерно в 3-4 раза меньше, чем на РДВ. См.: *Исаев А.Г.* Судостроительная промышленность России и Дальнего Востока: состояние и перспективы развития // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 2. С. 36–47.

³³ См.: *Куреев А.А.* Система институтов развития в ДФО: концепции, реализация, перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исслед. 2018. № 4. С. 85–95.

своих неполных технологических циклов в более сложные производственные цепочки предприятий "постиндустриального пояса". Наиболее же узкую специализацию должны иметь ИР "доиндустриального пояса", образование которых в его неблагоприятной среде может быть оправдано лишь целями добычи уникального и дорогостоящего сырья (редкие и драгоценные металлы), созданием нишевых продуктов, а также решением социальных и стратегических задач.

Под *институциональным дизайном* в данном случае понимается внедрение особых преференциальных механизмов, позволяющих ИР задействовать стимулы и компенсировать ограничения своей непосредственной среды. Такой дизайн должен быть предельно адресным, т.е. пакеты тарифных и административных преференций для каждой территории СПВ, каждого ТОРА и РИПа должны отражать их локализацию и специализацию. Основные же типологические особенности дизайна ИР можно охарактеризовать, исходя из поясного деления РДВ. Так, режимы ИР "постиндустриального пояса" должны отличаться наиболее широкой децентрализацией и дерегулированием, причём уровень налоговых льгот в них следует увязывать со степенью инновационности проектов и их способностью к трансляции новых технологий и управленческих практик на смежные производства. Особенность институтов "индустриального пояса" состоит в дерегулировании в пределах заданной специализации и субсидировании издержек, вызванных сопутствующими ограничениями среды. Что же касается ИР "доиндустриального пояса", то они нуждаются в централизованном государственном управлении и патерналистских, нерыночных налоговых и правовых режимах.

Таким образом, адаптация дальневосточных ИР к интраграницной среде макрорегиона, к сложному и поляризованному спектру её стимулирующих и ограничивающих факторов требует их пространственной и типологической дифференциации. От эффективности решения этой неотложной задачи будет зависеть общий успех реализуемой сегодня на РДВ политики развития.

Ключевые слова: *политика развития – институты развития – структурные факторы среды – российский Дальний Восток – Северо-Восточная Азия.*

Keywords: *development policy – development institutions – structural environmental factors – the Russian Far East – Northeast Asia.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быстрицкий С.П., Заусаев В.К. Россия – Северо-Восточная Азия: Дальневосточный экономический мост на рубеже эпох. М.: ИЭПП, 2007. 297 с.
2. Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации // Росстат. 2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vrp98-17.xlsx (дата обращения: 17.05.2019).
3. Взгляд со стороны восходящего солнца // Восточный экономический форум. 2018. Журн.-каталог фонда Росконгресс. С. 88–90.

4. Государственная программа РФ "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона" (утверждена постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308) // Правительство РФ. Офиц. сайт. URL: <http://government.ru/media/files/RoWSNHM7NUM.pdf> (дата обращения: 11.09.2018).
5. Деловой и финансовый климат Дальневосточного региона / Исслед. центр компании "Делойт" в СНГ. М., 2018. 38 с.
6. Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока / Госсовет РФ // Минвостокразвития РФ. Офиц. сайт. 2017. 6 сентября. С. 10. URL: <https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razviti-dalnego-vostoka.pdf> (дата обращения: 19.02.2019).
7. Жильников А.Ю. Определение стимулирующих и сдерживающих факторов инновационной активности региона // Экономические науки. 2013. № 2. С. 77–82.
8. Заусаев В.К., Бежина В.П., Кручак Н.А. Территории опережающего социально-экономического развития: реалии и возможности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 1. С. 58–71.
9. Инвестиционный риск российских регионов в 2017 г. // Эксперт. Рейтинговое агентство. 2017. URL: https://raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2017/tab2 (дата обращения: 18.03.2019).
10. Исаев А.Г. Судостроительная промышленность России и Дальнего Востока: состояние и перспективы развития // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 2. С. 36–47.
11. Ишаев В.И., Ивантер В.В., Кувалин Д.Б. Экономика Дальнего Востока и Байкальского региона: государственный подход. М.: МАКС Пресс, 2015. 264 с.
12. Киреев А.А. Система институтов развития в ДФО: концепции, реализация, перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исслед. 2018. № 4. С. 85–95.
13. Меламед И.И., Дягилев А.А., Авдеев М.А. Основные подходы к развитию Дальнего Востока и Прибайкалья. М.: Современная экономика и право, 2010. 176 с.
14. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с.
15. О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации в 2016 г.: Гос. докл. // Вода России. 2018. URL: http://fcvvhk.ru/wp-content/uploads/2018/01/2017_GosDoklad_VODA_26122017.pdf (дата обращения: 16.03.2019).
16. О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации: Гос. докл. / Гл. ред. Е.А. Киселёв; Минприроды России. М.: ВИМС; Минерал-Инфо, 2018. 372 с.
17. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2017 г.: Гос. докл. М.: Минприроды России; НПП "Кадастр", 2018.
18. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/70309010/> (дата обращения: 15.10.2018).
19. Публичная декларация целей и задач Минвостокразвития России на 2018 г. // Минвостокразвития РФ. Офиц. сайт. 2018. URL: https://minvr.ru/upload/iblock/2cb/publicnaya_deklaratsiya_2018.pdf (дата обращения: 10.02.2019).
20. Пучкин М.Б., Аврамчикова Н.Т. Классификация территорий опережающего социально-экономического развития в регионах Российской Федерации // Менеджмент социальных и экономических систем. 2017. № 2. С. 41–49.
21. Регионы России. В 2 т. / Госкомстат России. Т. 2. М., 1999.
22. Регионы России: Социально-экономические показатели. 2017 / Росстат. М., 2017.
23. Регионы России: Социально-экономические показатели. 2018 / Росстат. М., 2018.
24. Романов М.Т. Территориальное устройство хозяйства и населения на российском Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 2004. 232 с.
25. Севастьянов С.В., Реутов Д.А., Нянь Сюэжуй. Первый опыт применения режимов ТОР и СПВ в России и экспериментальных ЗСТ в Китае // Ойкумена. Регионоведческие исслед. 2018. № 4. С. 96–108.

26. Тихоокеанская Россия – 2030: Сценарное прогнозирование регионального развития / Под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.
27. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / Отв. ред. П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.
28. *Шейнгауз А.С.* Устойчивость развития и дальневосточное природопользование // Вестник ДВО РАН. 1995. № 5. С. 67–75.
29. BP Statistical Review of World Energy 2018 // British Petroleum. 2018. June. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
30. China Statistical Yearbook 2018. Beijing: China Statistics Press, 2018.
31. Compare Countries: Regions // ESCAP Online Statistical Database. 2019. URL: http://data.unescap.org/escap_stat/#compareData (дата обращения: 20.03.2019).
32. East & Southeast Asia // The World Factbook. 2019. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/wfbExt/region_eas.html (дата обращения: 17.03.2019).
33. Indicators Data // The World Bank. Official website. 2019. 30 January. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 21.03.2019).
34. International Minerals Statistics and Information // U.S. Geological Survey. 2019. URL: <https://www.usgs.gov/centers/nmic/international-minerals-statistics-and-information> (дата обращения: 19.03.2019).
35. Land use // Food and Agriculture Organization of the United Nations. Official website. 2019. URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/EL> (дата обращения: 22.03.2019).
36. Statistical Database // KOSIS. KOrean Statistical Information Service. 2019. URL: http://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01 (дата обращения: 23.03.2019).
37. System of Social and Demographic Statistics // Portal Site of Official Statistics of Japan. 2019. URL: https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/database?page=1&toukei=00200502&result_page=1 (дата обращения: 20.03.2019).
38. The Worldwide Governance Indicators // The World Bank. Official website. 2018. 21 September. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/wgidataset.xlsx> (дата обращения: 20.03.2019).